

наркотиков в самих США, а от Мексики, в свою очередь, потребуются более эффективные действия, направленные на искоренение причин самого наркотрафика.

Библиографические ссылки

1. Латинская Америка : энциклопедия / гл. ред. В. М. Давыдов. М., 2013.
2. *Selee A., Wilson C. Ch., Putnam K. The United States and Mexico : More Than Neighbors. Mexico, 2010.*

К. И. Зубков

*Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН*

Региональная интеграция в системе международной безопасности

В какой мере процессы региональной интеграции трансформируют современный контекст международной безопасности? Нет сомнений, что в основе современных интеграционных процессов лежит не только прагматика экономических интересов, но и стремление государств всесторонне обеспечить свою безопасность в условиях нестабильной международной среды. Несомненно связь усилившейся регионализации международных отношений (МО) и ускоренного роста региональных интеграционных объединений в конце XX в. с распадом биполярной системы МО и характерной для нее «блоковой дисциплины», позволявшей ограниченному числу мировых держав (сверхдержавы, великие державы) контролировать политическое поведение своих клиентов, разбросанных по разным частям света, избегая возникновения непреодолимых кризисов. Турбулентный характер происходившей после окончания холодной войны трансформации международной системы, вызванный ею хаотичный процесс перераспределения

статусов, ролей и идентичностей в отношениях между государствами резко понижали уровень сбалансированности, стабильности и предсказуемости МО, порождая в политике практически каждого государства что-то вроде экзистенциального страха перед перспективой стратегического одиночества. Регионализация во многом стала реакцией на возрастающую недетерминированность и случайность в ходе трансформации планетарной системы МО, попыткой компенсировать свойственные ей избыточную плюрализацию и хаотичность посредством воссоздания более агрегированной и предсказуемой «крупноблочной» структуры, хотя разрывы в международной системе, слагающейся подобным образом, становятся более вероятными и резко выраженными [1, 88]. Многовекторность внешней политики определенных групп государств, открытый регионализм, межблочные соглашения, служба гибкими сочленениями региональных подсистем МО, лишь отчасти способны преодолевать эти разрывы.

Региональная интеграция как относительно новое структурное измерение системы международной безопасности развивается сегодня достаточно противоречиво. С одной стороны, региональные интеграционные процессы почти повсеместно приобретают комплексный характер, эволюционируя от чисто экономических форм к многоаспектному стратегическому сотрудничеству интегрирующихся государств, которое охватывает и сферу безопасности. Обнаруживается теснейшее переплетение экономических аспектов интеграции и проблем обеспечения региональной и национальной безопасности: в одних случаях усиление экономической взаимозависимости интегрирующихся государств заметно снижает уровень конфликтности внутри региональных объединений, переводя существующие межгосударственные конфликты в отложенный режим (примером чему может служить опыт АСЕАН) [2, 106], в других сама экономика становится приоритетным объектом широко понимаемой политики безопасности. Уроки азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. обещают лишь усилить стремление интегрирующихся государств обеспечить за счет более емких общих рынков

и бóльшую устойчивость по отношению к кризисным явлениям мировой экономики. В этой связи не исключаются и применение более жестких протекционистских мер по защите региональных рынков, и переход к построению региональных валютно-финансовых систем.

С другой стороны, нарастающая комплексность политики интеграции, при которой каждое из ее функциональных направлений связано общей стратегией того или иного регионального объединения, создает гораздо больше препятствий согласованию позиций между региональными блоками и достижению консенсуса по общемировым проблемам, чем при одностороннем функционально ограниченном сближении. Это в какой-то степени объясняет неравновесность динамики процессов сближения и сотрудничества государств. Хотя теоретически система МО с меньшим числом полюсов может быть легче приведена к балансу сил, на поверку оказывается, что рост силы и влияния региональных блоков увеличивает разрывы в международной системе. В этих условиях даже мощные универсальные тренды (например, экономическая глобализация) с неизбежностью сегментируются, с бóльшим успехом достигая транснациональных эффектов в рамках региональных объединений, чем на глобальном уровне.

Региональная интеграция не ставит под сомнение роль государств как основных акторов системы МО, поскольку степень консолидации позиций участников даже в таком продвинутом, приближающемся к квазигосударственному формату интеграционном объединении, как Евросоюз, не идет пока ни в какое сравнение с той, которая генерируется в политической структуре суверенного государства. Региональная интеграция может агрегировать интересы государств, обнимать их общим контуром, но она не делает их полностью тождественными.

Вместе с тем интеграция способна существенно влиять на позиционирование отдельных групп государств в международной системе, обеспечивая им для этого дополнительные возможности и ресурсы. Опыт объединения Бенилюкс может, вероятно, служить наиболее удачной и гармоничной моделью того, как благодаря

региональной интеграции малые и средние государства могут получить важные политические экстерналии, заметно повышая свои роль и значение и в более широком интеграционном формате, и в системе МО в целом. Унаследованный от эпохи холодной войны алгоритм поведения малых и средних государств, заключавшийся в игре на противоречиях между полосами международной системы, лежит не только в основе многовекторности как способа их существования в современном мире. Для ряда государств участие в региональной интеграции открывает возможность существенно повысить свой стратификационный ранг в международной системе, что мы можем наблюдать, например, в тех случаях, когда страны региональной периферии присоединяются к более развитому ядру своего региона (стран ЦВЕ — к Евросоюзу, Мексики — к НАФТА, Вьетнама и Камбоджи — к АСЕАН) [3, 142–143]. Более того, консенсусный формат региональной интеграции способен возвысить особую позицию малых и средних государств в тех или иных вопросах до уровня политики, определяющей более широкий стратегический контекст (например, влияние Польши, государств Балтии на контекст отношений России и ЕС; стремление отдельных стран Юго-Восточной Азии использовать формат АСЕАН для отстаивания своих интересов в территориальных спорах с Пекином). Еще более распространенным случаем является превращение региональной интеграции в инструмент активного и солидарного продвижения малыми и средними государствами своих групповых интересов на международной арене, что, вместе с тем, и с большей вероятностью может вовлекать их в острые международные коллизии. Все это в какой-то степени размывает сложившуюся статусную иерархию государств в системе МО. Опасная же новизна этой ситуации состоит в массе провоцирующих конфликтогенных моментов, которые могут возникать на пересечении связанного формата политики региональных объединений с традиционной, как правило, более эгоистичной и менее ответственной внешней политикой отдельных государств.

Немало рисков эскалации существующих международных противоречий возникает и тогда, когда ресурсы и выгоды

региональной интеграции фокусируются на укреплении позиций региональной державы-гегемона. Хотя стремление крупных держав и малых государств к интеграции может носить обоюдный интерес и даже сопровождаться созданием механизмов взаимного сдерживания, нарастающая вместе с комплексностью интеграции тенденция к геополитизации интеграционных отношений очевидна. Разный экономический и военно-политический вес объединяющихся государств, неодинаковый уровень их развития, связанное с этим неравномерное распределение экономических выгод в рамках интеграционного взаимодействия объективно усиливают крен интеграции к превращению в новое орудие утверждения старых отношений политической зависимости, закрепления традиционных политических сфер влияния региональных держав-гегемонов [4, 27–28]. Как выясняется, от атакизмов геополитизации и внутреннего колониализма не избавлены вполне даже такие зрелые интеграционные объединения, как Евросоюз. Лишь созданная за десятилетия интеграции мощная надстройка наднациональных институтов пока позволяет ЕС сглаживать эти противоречия.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что за фасадом демократической риторики интеграционные процессы с точки зрения их влияния на международную безопасность продолжают оцениваться вполне в традициях *Realpolitik* — сквозь призму того, в какой мере они способствуют или препятствуют восхождению и усилению региональных держав как потенциальных стратегических игроков на поле мировой политики [5, 736–737]. По крайней мере, в русле именно такого, преимущественно геополитического видения интеграционных процессов эволюционируют реальные подходы США к глобальному форматированию международной системы [см.: 6]. Такое восприятие региональной интеграции, безусловно, накладывает свой отпечаток на весь контекст международной безопасности, в существенной степени усложняя его и заставляя предвидеть возникновение рисков, прежде всего там, где расширяющиеся ареалы региональных экономических объединений с вероятностью будут нарушать сложившееся геополитическое равновесие.

Библиографические ссылки

1. *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations internationales : 7e édition mise à jour. P., 2004.
2. *Калдунова Е. В.* Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? // *Международные процессы.* 2011. Т. 9. № 3 (27). Сент.-дек. С. 105–111.
3. *Буторина О. В.* Понятие региональной интеграции: новые подходы // *Космополис.* 2005. № 3 (13). С. 136–145.
4. *Братерский М. В.* Региональные экономические объединения сквозь призму мировой политической экономии // *США — Канада : Экономика. Политика. Культура.* 2010. № 8. С. 19–33.
5. *Frazier D., Stewart-Ingersoll R.* Regional Powers and Security : A framework for understanding order within regional security complexes // *European J. of Intern. Rel.* 2010. Vol. 16. No. 4. P. 731–753.
6. *Friedman G.* The Next Decade : Empire and Republic in a Changing World. N. Y., 2012.

И. В. Ивлева

Уральский государственный экономический университет

Поиск новых путей обеспечения безопасности управления процессами неоиндустриализации Уральского макрорегиона: принципы, механизм и приоритеты

Все большую популярность среди ученых и специалистов приобретают дискуссии о необходимости поиска новой модели неоиндустриализации, которая включает два вектора: ускорение модернизации сложившихся производств в стране, ее регионах (реиндустриализация, реконструкция, модификация, ремонт) и осуществление новой индустриализации (внедрение инноваций в производственный процесс). Две грани процессов неоиндустриализации и структурной модернизации являются неотъемлемыми